

Музеефикация Бородинского поля и развитие Бородинского музея-заповедника

Поля сражений как объекты культурного наследия по классификации ЮНЕСКО относятся к культурным ландшафтам ассоциативного типа. Возникая как особый, разрушительный вариант взаимодействия человека с природой, поля сражений не могут быть сохранены продолжением той деятельности, в результате которой они появились – боевых действий. Поля сражений сохраняются только там и тогда, где и когда их особая ценность признана обществом. Первым проявлением такого признания является *мемориализация* – установка памятных знаков, которые необходимы как материальное, зримое, образное и информационное выражение чаще всего невидимого отпечатка сражения в казалась бы обычном ландшафте. Музеефикация полей сражений является следующим этапом их развития и осуществляется не везде. Памятники и музей могут создаваться и существовать независимо друг от друга, как, например, на полях сражений при Аустерлице и Лейпциге. Деятельность и возможности развития таких музеев ограничены традиционными формами, а создаваемые в них экспозиции можно назвать лишь элементами музеефикации полей сражений. Более эффективными формами сохранения полей сражений являются национальные парки (США, Канада) и музеи-заповедники в России, которые могут осуществлять комплексную музеефикацию¹.

Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, несомненно, относится к перспективным по своему потенциалу музеям. Он был основан и изначально развивался как мемориально-музейный комплекс. Как происходили параллельные по

своей направленности процессы мемориализации и музеефикации Бородинского поля? Какую роль играл при этом Бородинский музей? Какие аспекты развития поля и музея следует учесть при подготовке к 200-летию Бородинского сражения? Ответы на эти вопросы мы предлагаем в данной статье.

После захоронения и сожжения зимой 1812–1813 гг. останков воинов обеих армий на Бородинском поле появилось не менее пятисот братских могил. Мы не имеем сведений об установке на них обычных временных памятных знаков – деревянных крестов. Самый ранний памятный знак зарисован и описан в 1814 г. английским художником Джеймсом в районе северной флеша. Это «доска, отмечающая место, где погиб храбрый генерал Монбрен с памятным текстом в его честь, написанным чернилами, которая установлена сразу после сражения герцогом Данцигским»ⁱⁱ.

Сохранение памяти о погибших участниках битвы, а также увековечение и прославление подвига русской армии в целом было главным направлением мемориализации Бородинского поля на протяжении первых ста лет его существования. Она осуществлялась как результат переплетения частных инициатив и государственной политики. По мнению современных культурологов, Бородино является классическим примером характерного для русской культуры XIX – начала XX в. тесного взаимодействия православной и светской мемориальных традиций: «...знаменитый мемориальный комплекс на Бородинском поле, включавший в себя и музейные экспозиции, и многочисленные архитектурно-скульптурные монументы, начинался все же с основания храма и монастыря – Маргаритой Тучковой»ⁱⁱⁱ. Во время Бородинских торжеств 1839 г. это признал Николай I, сказав

иностранным гостям: «Вот почтенная вдова храброго генерала Тучкова; она предупредила меня, воздвигнув здесь бессмертный памятник»^{iv}. В тоже время, покупка Бородинского имения, установка монумента, определение порядка его содержания, проведение торжеств 1839 г. — это и многое другое осуществлялось на Бородинском поле по инициативе, под контролем и при участии императора Николая I, которого с полным основанием можно считать основателем Бородинского музея-заповедника.

К 1839 г. на Бородинском поле сохранились и появились структурные элементы, присущие музейно-мемориальному культурному ландшафту поля сражения^v, которые за последующие 165 лет получили то или иное развитие. К ним относятся:

памятники-свидетельства Бородинского сражения: руины земляных укреплений, братские могилы и перезахоронение останков генерала П. И. Багратиона, культурный слой с артефактами военного происхождения;

памятные места и объекты: поля, леса, реки и ручьи с оврагами, возвышенности, болота, дороги, населенные пункты, архитектурные памятники (четыре храма);

памятные знаки: архитектурно-мемориальные комплексы (Спасо-Бородинский монастырь и императорский дворцово-парковый ансамбль в с. Бородине), символический монумент на батарее Раевского, надгробие на могиле П. И. Багратиона.

К первым объектам музеефикации Бородинского поля можно отнести здания, в которых хранились доступные для осмотра посетителями экспонаты (сторожка около памятника и Бородинский дворец).

Бородинский памятник и сторожка находились в ведении

Московской военной богадельни (Военное министерство), Бородинское имение — Борисовского отделения Московской удельной конторы (Департамент уделов), а Спасо-Бородинский монастырь подчинялся Московской епархии. Из них только монастырь обладал достаточной самостоятельностью, чтобы инициировать свое развитие и оказывать влияние на продолжение мемориализации Бородинского поля. По этой причине во второй половине XIX в. новые памятные объекты появились только в этом архитектурно-мемориальном комплексе. После смерти игумении Марии в 1852 г., ее домик стал мемориальным музеем. Главный храм монастыря (1858 г.) был освящен в честь Владимирской иконы Божьей Матери, в день праздника которой произошло Бородинское сражение. Трапезный храм (1874 г.) был посвящен Усекновению Главы Иоанна Предтечи (11 сентября), когда поминаются все воины на поле брани убиенные.

Первым инициатором музеефикации Бородинского поля к 100-летию битвы стал командующий Московским военным округом великий князь Сергей Александрович. Его предложения включали проведение топосъемки для выявления всех сохранившихся памятных объектов, выкуп участков, на которых располагались укрепления 1812 г., их реставрацию и последующую охрану специальным военным подразделением, создание музея, издание путеводителя^{vi}. При реализации этих предложений возникли организационные и финансовые сложности, из-за различной ведомственной принадлежности памятных объектов, и музеефикация прервалась после убийства в 1905 г. великого князя Сергея Александровича.

В 1902–1903 гг. по инициативе служащих железной дороги на станции Бородино в помещении вокзала был создан «Музей 1812 года», экспонаты которого, в отличие от сторожки и дворца, были

систематизированы. Интереснейшим изданием Московско-Брестской железной дороги стал альбом «Бородинское поле сражения. Его прошлое и настоящее» (1902 г.), с фотографиями памятных мест поля битвы.

В 1911 г. появился первый путеводитель по Бородинскому полю – «Спутник экскурсанта №1», изданный Центральной экскурсионной комиссией при Московском учебном округе. В нем указан рекомендуемый маршрут пешей экскурсии, объекты осмотра, обзорные точки, пункты питания (музей и чайная лавка на станции Бородино), Спасо-Бородинский монастырь (артиллерийские укрепления, церкви, дом игумении Марии), Шевардинский редут, монастырский хутор Алексинки, с. Бородино (императорский дворец с парком и церковь – свидетель сражения), д. Горки с «Кутузовской ямой» на месте укрепления, батарея Раевского с единственным тогда Бородинским памятником, обед в монастыре и возвращение на станцию^{vii}.

Вопрос о том, что «на Бородинском поле возможно допустить постановку и войсковых памятников частям войск на местах их участия в бою» на их средства, был поставлен в мае 1910 г. председателем высочайше учрежденной Межведомственной комиссии для разработки порядка чествования 100-летнего юбилея Отечественной войны генералом В. Г. Глазовым^{viii}. Такой подход к мемориализации Бородинского поля позволял решить одновременно две задачи: традиционную – сохранить память о подвигах предков и новую – обозначить и зафиксировать на местности связь внешне обычных участков ландшафта с эпизодами боевых действий.

Новые монументы устанавливались в соответствии с пожеланиями войсковых частей. Задача увековечить память каждого воинского формирования при этом не ставилась. Список проектируемых памятников

неоднократно изменялся. В результате на Бородинском поле было установлено 33 монумента в стилях неоклассицизма и модерна, с различной по содержанию и полноте информацией на каждом из них: названия сражавшихся частей и их потомков, численность, потери, иногда фамилии убитых и раненых, слова о нравственном значении подвига предков. В этих монументах и восьми мемориальных досках в Спасо-Бородинском монастыре были в разной степени реализованы предложения 76-ти воинских формирований из ста семи^{ix}. Установка памятников координировалась созданными для этого юбилейными губернскими органами: комиссией (утверждение проектов, разрешение) и комитетом (точные места, земельные вопросы). Благодаря их слаженной работе удалось избежать справедливых опасений, что «известный участок поля получит вид кладбища с различными по достоинству и рисункам памятниками».

Под непосредственным наблюдением московского губернатора В. Ф. Джунковского на месте сторожки у батареи Раевского было построено новое здание «с устройством в нем музея» который он считал «своим дорогим детищем». По его воспоминаниям, после осмотра музея 25 августа 1912 г. «Государь несколько раз благодарил меня, обратив внимание на строго выдержанный стиль, наглядную краткую историю, изображавшую последовательный ход событий во время Бородинского сражения и на скромную обстановку, которая ему, по-видимому, понравилась»^x.

Целенаправленно созданными объектами музейного показа следует считать полевые укрепления, воссозданные в том виде, какой они имели перед началом боев: Шевардинский редут, южный люнет на Багратионовых флешах, три Масловских укрепления. Для восстановления

были выбраны только наиболее сохранившиеся укрепления.

Монументы, установленные на командных пунктах М. И. Кутузова и Наполеона, должны были зафиксировать их расположение на поле битвы. Особые архитектурные формы и надписи придали этим памятникам символическое значение, сделали их ландшафтными доминантами, указывающими на обзорные точки, элементами музеефикации поля.

При подготовке к юбилею вопрос о сохранении ландшафта не рассматривался, хотя уже тогда в нем произошло несколько необратимых изменений (железная дорога, карьеры). Не были установлены надгробия ни на одной из 14 братских могил, следы которых сохранялись в то время на поверхности. Ни одна из четырех экспозиций на Бородинском поле не стала еще тогда музеем как самостоятельным учреждением культуры. Впрочем, каждую из них можно считать ведомственным музеем.

В марте 1913 г. было учреждено Бородинское общество, пожизненным председателем которого стал В. Ф. Джунковский. Согласно уставу, оно намеревалось заниматься охраной памятников, мемориализацией и музеефикацией Бородинского поля: нанимать сторожей, выявлять «еще не отмеченные пункты боя, отмечать их монументами», устраивать дорожки к «примечательным пунктам поля», содействовать проведению экскурсий, «собирать все предметы печати и художества, касающиеся истории битвы, возведения памятников и празднования столетнего юбилея битвы». Работа Бородинского общества не успела получить развитие, ограничившись оплатой сторожей.

К столетию битвы Бородинское поле превратилось в объект культурного наследия, состояние и пространственную структуру которого можно считать эталонной для оценки степени сохранности и постановки задач восстановления его историко-культурного ландшафта.

О состоянии Бородинских музеев и памятников сразу после революционных потрясений можно получить представление из доклада члена Комиссии по охране памятников искусства и старины Мособлсовета Н. А. Андреева, который специально приезжал на поле весной 1918 г. По его словам музей на станции Бородино – «очень маленькое помещение, часть гравюр не развешена, библиотека состоит не более чем из пятнадцати томов и составляет собственность железнодорожных служащих... Отношение к музею вполне ревностное, текущие события немного охладили посещения публики...

Второй (следующий) музей помещается против главного памятника в доме инвалидов, в двух верстах от станции; предметы музейные и сам музей охраняется инвалидом, получающим 18 р. 90 к. на всем своем. <...> Третий музей – дворец находится в селе Бородино в пяти верстах от станции. Дворец в текущую войну был занят под лазарет. Вид имеет снаружи очень красивый и цельный. Фасад с колоннадой (стиль ампир); внутренние помещения лазаретом затасканы, требуют ремонта. Мебель, картины, гравюры, подсвечники, бронза, также посуда – все старых времен. Два больших портрета замечательного письма, подписаны художником; все находится в отдельном флигеле, заперто и переписано. Дворец, видимо, будет в недалеком времени занят под культурно-просветительные цели». Отдельно сказано о Спасо-Бородинском монастыре: «Монастырский музей – дом памяти Тучковой, основательницы этого монастыря, находится в ведении монашек; все в безукоризненной чистоте и сохранности». Автор доклада отметил, что «существует тенденция некоторые памятники снести. Бюст Императора Александра II разбит и свален с пьедестала...»^{xi}.

Все музеи Н.А. Алексеев предложил сконцентрировать в один, у батареи Раевского.

В 1920–30-е годы на Бородинском поле произошли разрушения, обусловленные идеологическими причинами. В первую очередь они касались храмов, монастыря, памятников с ярко выраженной православной символикой. Ставший в 1923 г. единым учреждением, Бородинский музей и памятники были отнесены к учреждениям, работа которых «протекает преимущественно в местном масштабе» и переданы Мосгубисполкому^{xii}. В 1932 г. монумент на батарее Раевского и склеп с прахом П. И. Багратиона постигла участь храма Христа Спасителя.

О состоянии Бородинского поля в 1937 г. можно судить по результатам его обследования представителями Наркомпроса и генерального штаба РККА. К объектам, которые «имеют историческую и художественную ценность», были отнесены сохранившиеся 35 монументов, 5 флешей, «мавзоль-церковь Тучковых» и домик Тучковой. По мнению комиссии, восстановление полностью разобранных памятников Багратиону на батарее Раевского и Нежинскому драгунскому полку «не представляется возможным», а приведение «в первоначальный вид» церкви в с. Бородине «очень затруднительно, требует больших затрат и не имеет смысла». Остальные памятники предлагалось привести «в полный порядок» путем ремонта, восстановления оград, надписей, мемориальных досок, устройства дорожек, газонов, цветников. В главном здании музея, где жили директор и сторож, а «экспонаты нагромождены без всякой системы» планировался капитальный ремонт и создание новой экспозиции. Этот документ от 20 июня 1937 г. за подписью наркома просвещения А. Бубнова завершён предложением: «Ввиду того, что Бородинское поле, памятники и музей имеют военно-историческое значение, считаю необходимым передать Бородинский музей, памятники и панораму Наркомату Обороны, изъяв из ведения Мособлисполкома, возложив на Наркомат Обороны производство всех реставрационных и

ремонтных работ к 125-летию Бородинской битвы»^{xiii}. Эти предложения были невыполнимы по срокам, их реализация ограничилась ремонтом музея и устройством газона с мемориальной доской над разрушенной могилой П.И. Багратиона.

В октябре 1941 г. Бородинское поле вновь стало полем сражения. В результате сооружения передового рубежа 36-го укрепрайона Можайской линии обороны, шестидневных боев и создания в 1942 г. нового, 152-го укрепрайона здесь образовался еще один военно-исторический ландшафт. Бородинское поле стало превращаться в мемориал двух Отечественных войн.

Акт от 3 июля 1943 г. «об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками Бородинскому военно-историческому музею» позволяет судить о том, какие объекты на Бородинском поле являлись музейными в 1941 г. К ним, кроме сожженного здания музея, относились уничтоженный домик М. Тучковой, часовня-усыпальница (церковь Спаса Нерукотворного) и монументы 1912 г. После ремонта здания музея в нем 15 октября 1944 г. открылась временная экспозиция.

В решении Оргбюро ЦК ВКП (б) от 15 августа 1945 г. «О Бородинском военно-историческом музее», принятом в связи с 200-летием М. И. Кутузова, содержались поручения к 5 сентября восстановить здание музея, к 10 сентября отремонтировать памятники, в пятидневный срок решить вопрос о пополнении Бородинского музея экспонатами за счет других музеев, перевести его в число музеев 1-й категории республиканского значения^{xiv}. На самом деле реставрация монументов длилась несколько десятилетий. В 1947 г. на поле были установлены первые скульптурные памятники – бронзовые бюсты П. И.

Багратиона и М. Б. Баркляя де Толли. Ставший республиканским (РСФСР), музей в 1950 г. хранил всего лишь 644 музейных предмета, в том числе 284 в экспозиции. Библиотека музея размещалась в двух шкафах в кабинете директора, совмещенном с комнатой сотрудников^{xv}. Тем не менее именно директор Бородинского военно-исторического музея С.И. Кожухов в начале 1950-х годов одним из первых в стране предложил создать на основе своего музея заповедник^{xvi}. Эта идея осуществилась через десять лет.

Поле Бородинского сражения Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30 августа 1960 г. отнесено к памятникам республиканского значения как единый памятник истории. Аналогичным Постановлением № 683 от 31 мая 1961 г. оно объявлено «Государственным Бородинским военно-историческим музеем-заповедником с включением в него памятных мест, исторических памятников Бородинского поля и Государственного Бородинского военно-исторического музея». Согласно этим постановлениям, Бородинское поле как памятник должно было стать частью Бородинского музея-заповедника как учреждения культуры.

С этого времени появилась возможность музеефикации Бородинского поля в современном понимании этого термина, т.е. как направления «музейной деятельности и охраны памятников, сущность которого – преобразование историко-культурных и природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности и включения их в актуальную культуру»^{xvii}.

Согласно «Основным положениям благоустройства Бородинского поля», разработанным в 1961 г. Министерством культуры РСФСР,

«Бородинское Поле, его ландшафт, памятные места — свидетели исторических событий, являются ценнейшими и главными памятниками, которые должны бережно сохраняться в веках, быть убедительно выявлены и показаны в открытой музейной экспозиции, которой является, прежде всего, само Бородинское Поле»^{xviii}. Эта краткая формулировка, содержащая на первый взгляд прописные истины, впервые зафиксировала необходимость целостного восприятия Бородинского поля и перехода от его мемориализации к музеефикации.

В какой степени это новое, официально признанное представление о Бородинском поле и тенденция к его музеефикации проявилась при подготовке к празднованию 150-летия Бородинского сражения? Об этом можно судить по сборнику статей «1812 год. К столетию Отечественной войны» и работам, выполненным на поле к юбилею.

В статье Ф. В. Никольского «Памятники Бородинского поля» говорится почти исключительно о монументах. В ней нет даже слов ландшафт и музей-заповедник. Упомянуто о сохранении не самих сел и деревень, а только их названий, ставших историческими (с. Татариново и дер. Семеновское), без оговорки, что их местоположение изменилось. Главное, что должно было появиться на поле к юбилею – многометровые скульптурные памятники М. Б. Барклаю де Толли «на возвышенности между речкой Колочью и ручьем Стонцем», М. И. Кутузову в центре поля и П. И. Багратиону на флешах, а также два надгробия на братских могилах^{xix}. В этом же сборнике напечатаны обстоятельные статьи сотрудников Бородинского музея о расположении русских войск, артиллерии и главных укреплениях русской позиции, которые и теперь имеют значение для натурального изучения поля сражения.

В 1962 г. скульптурные памятники на Бородинском поле, к счастью, не появились. Вместо этого вдвое была увеличена площадь здания музея

и сделана новая экспозиция, воссоздана северная флешь, установлена стела на батарее Раевского.

Поручение 1961 года Министерству культуры РСФСР и Московскому облисполкому в 3-месячный срок разработать и утвердить Положение о Бородинском музее-заповеднике было выполнено в 1972 г., одновременно с утверждением его мемориальной охранной зоны площадью 109,7 км². В этом Положении вместо музеефикации была поставлена другая задача – «полной мемориализации Бородинского поля на момент исторического сражения 26 августа 1812 года, создания и улучшения экспозиции музея». Нереальность «полной мемориализации», ограничение научно-исследовательской, хранительской и экспозиционной работы тематикой двух Отечественных войн, исключая из истории Бородинского поля другие периоды, — все это, на наш взгляд, неправомерно сузило сферу деятельности музея-заповедника в начальный период его развития.

С 1972 по 1975 г. коллективом архитекторов-реставраторов под руководством Н. И. Иванова в объединении «Росреставрация» разрабатывалась Генеральная программа реставрации памятников и организации заповедника «Бородино» (далее — Генпрограмма).

Содержание этого объемного проекта, состоящего из 60 схем, 12 таблиц и 150 страниц машинописного текста заслуживает отдельной публикации. В предельно сжатом и неизбежно упрощенном изложении она заключается в следующем.

Главный памятник Бородинского поля – исторический ландшафт, все элементы которого являются достопримечательными местами. «Создание нового культурного центра – заповедника “Бородино” обогатит западное Подмосковье и позволит сохранить еще один уголок русского пейзажа, так как охрану исторических мест целесообразно

сочетать с охраной природы и всего окружающего ландшафта. Предметом музейного показа является в первую очередь природный ландшафт, включающий укрепления позиций». Для этого предлагалось восстановить в первоначальном виде все (34) укрепления 1812 г. с установкой на части из них макетов орудий, и 27 объектов 1941г., (16 братских могил, архитектурные памятники.)

Из 19 населенных пунктов – свидетелей сражения, в парках Бородина, Шевардина и Старого Села, предложено восстановить всю первоначальную планировку, а также часть плотин с мельницами, в десяти заменить существующую застройку на 4 – 5 типов деревенских домов и хозяйственных построек начала XIX в., ограничить все их по высоте, а на местах 11 исчезнувших деревень поставить мемориальные доски.

В Генпрограмме названы семь принципов мемориализации исторических объектов: выбор размеров и формы новых мемориальных сооружений в соответствии с существующими, отличие памятных знаков двух войн, русских от французских, изготовление из простых и долговечных материалов, благоустройство памятников без посадок и жестких элементов городской среды. Ее авторы сделали правильный вывод: *«Посетителю Бородина должны больше говорить подлинные элементы Поля битвы, весь его ландшафт, укрепления, могилы и т. д., а не монументы, претендующие на самостоятельное художественное значение, задавливающие подлинные памятники, отвлекающие зрителя от восприятия мемориального места. Необходимо понять, что Бородинское поле — это не выставочный зал под открытым небом для авторов разных монументов, а сам подлинник, выявленный во всех первоначальных элементах и преподнесенный в натуре для обозрения».* При этом авторы не смогли отказаться от идеи «полной мемориализации»,

предложив на 54 (!) памятных местах установить памятники и памятные знаки.

Вопросы организации деятельности музея-заповедника в Генпрограмме не затронуты, за исключением строительства здания музейного центра на северной окраине поселка станции Бородино и сосредоточения объектов для обслуживания посетителей у въездов, главным из которых предлагалось сделать южный, от Минского шоссе. Основной объем работ предполагалось выполнить к 175-летию Бородинского сражения.

Получившая в целом положительные отзывы, Генпрограмма была одобрена Ученым советом музея-заповедника 15 июня 1981 г., однако многие участники заседания обратили внимание на слабую проработку в ней вопросов музеефикации.

Обоснованные, как мы считаем сомнения, в целесообразности восстановления всех укреплений и строительстве нового здания музея, недостаточно четкое представление о технологии деятельности музея по экспонированию памятников и обслуживанию туристов, необходимость привлечения к работе природоведов, — все это стало основанием для необходимости уточнения и доработки Генпрограммы. В 1982 г. она была дополнена предложениями по развитию экспозиций, экскурсионных маршрутов и музеефикации памятников, разработанными музеем-заповедником. В них содержалось положение принципиального характера *о создании вместо одного музейного центра системы экспозиций, тематика которых связана с местами и зданиями, в которых они создавались*. Конкретные предложения по музеефикации Спасо-Бородинского монастыря, показавшие возможность увеличения в три раза экспозиционных площадей, позволили музею отказаться от предлагавшегося реставраторами проекта межэтажных перекрытий

Владимирского собора^{xx}.

Чтобы компенсировать указанные недостатки Генпрограммы, в 1984-1985 гг. велась работа над *художественной концепцией и проектом комплексной музеефикации* Бородинского поля, первым этапом который стал сценарный план данного проекта (руководитель разработки – художник Э.И. Кулешов). Его авторы сделали правильный вывод о том, что *полная реконструкция* всех исторических и культурных пластов на поле сражения невозможна из-за возникающей при этом визуальной эклектичности. Э.И. Кулешов предложил разработать и установить на поле *систему экспозиционных знаков*, отражающих в художественной форме отдельные эпизоды Бородинского сражения. Для музеефикации территории авторы предложили эскизные проекты трех торжественных въездов и центральной зоны у батареи Раевского, включая мемориалы двух Отечественных войн, ритуальную площадь и плац-театр. Художественная концепция в целом была одобрена Ученым советом Бородинского музея-заповедника, однако эскизные проекты было предложено доработать из-за недостаточно бережного отношения к историческому ландшафту. Эта работа не получила продолжения из-за невозможности согласования предложений архитекторов-художников и архитекторов-реставраторов.

В ходе реализации Генпрограммы главная, по мнению ее авторов, задача – сделать все поле Бородинского сражения объектом музейного показа — не была решена. Анализ содержания Генпрограммы и ее реализации позволяет сделать вывод о том, что задача реставрации или воссоздания военно-оборонительных сооружений и реконструкции исторического ландшафта полей сражений *в полном виде* невыполнима и что их музеефикация не может осуществляться исключительно этим путем.

Спорные моменты Генпрограммы и ее недостатки были обусловлены отсутствием концептуального взгляда на поля сражений как объект наследия, отсутствием опыта проектирования развития столь обширных (11 000 га) и сложных по составу целостных объектов культуры, отсутствием междисциплинарного подхода в работе и недостаточной ясностью технических заданий заказчика. Ее материалы позволили решить стратегические вопросы развития Бородинского музея-заповедника: обоснование для утверждения Правительством РФ границ его территории, выход музея на пространственное проектирование, ставшие основой многих проектных заданий, реставрационных решений и программных разработок.

В 1994 г. Российской экономической академией им. Г.В. Плеханова, при участии специалистов Бородинского музея-заповедника, ряда проектных организаций, администрации Московской области и Можайского района, была разработана подпрограмма «Сохранение и развитие территории Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника» для включения в состав Федеральной целевой программы «Сохранение и развитие культуры и искусства» (далее – Федеральная программа). Программное решение проблемы сохранения Бородинского поля основывается в ней на принципах продолжения исторической традиции развития территории Бородинского музея-заповедника, берущей начало со времени его основания и признания историко-культурной деятельности приоритетом в определении основных направлений производственно-хозяйственной деятельности на данной территории^{xxi}.

Появление к этому времени в законодательстве понятия «уникальная историко-культурная территория» и научные разработки территориального подхода к сохранению объектов культуры,

предпринятые Институтом Наследия, позволили нам при разработке Федеральной программы предложить для музеефикации Бородинского поля выделить особые пространственные единицы – *мемориально-экспозиционные комплексы*.

Каждый из них включает в себя в различных сочетаниях как объекты культурного наследия, связанные с событиями 1812, 1941 гг., историко-краеведческой тематикой, так и современные элементы культурного ландшафта, существующие и создаваемые. Определение структурных единиц музеефикации Бородинского поля позволило начать систематизированное изучение локальных памятных мест в единстве их историко-культурных и природных составляющих.

Представление о Бородинском поле как ассоциативном культурном ландшафте стало основой «Программы сохранения и восстановления историко-культурного ландшафта Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника». Она разработана в 2001 г. Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия и Бородинским музеем–заповедником (научный руководитель — Ю.А. Веденин). В ней выработаны принципы и методы изучения и описания Бородинского поля как культурного ландшафта, вытекающие из определения этого понятия в документах ЮНЕСКО и связанных с номинацией объектов Всемирного культурного и природного наследия.

В программе определены пять приоритетных мемориально-экспозиционных комплексов, для которых разработана система соответствующих мероприятий. Главные из них связаны с развитием исторически сложившихся мемориально-архитектурных ансамблей и созданием *мемориально-ландшафтных экспозиций*.

Программа сохранения и восстановления историко-культурного

ландшафта Бородинского музея-заповедника одобрена его Ученым советом, а также Президиумом Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В решении последнего особо отмечена «обоснованность проектных решений, в частности, касающихся вопросов функционального зонирования, дальнейшего развития музея-заповедника, выделения 14-ти мемориально-экспозиционных территориальных комплексов, восстановления утраченных объектов в целях последующего экспозиционного использования, устранения диссонансных зеленых насаждений с целью восстановления утраченных исторических визуальных взаимосвязей, а также предложений по традиционному природопользованию, базирующихся на концепции устойчивого развития».

Основой подготовки Бородинского музея-заповедника к 200-летию Бородинского сражения является его миссия — сохранение, изучение и музеефикация уникального историко-культурного ландшафта Бородинского поля сражения как памятника двух Отечественных войн, его использование в культурно-просветительных и воспитательных целях, актуализация исторической памяти о Бородинской битве. Главными в ее реализации являются два направления:

- сохранение Бородинского поля в соответствии с критериями, предъявляемыми ЮНЕСКО к памятникам, включенным в Список объектов всемирного культурного наследия;
- развитие музея-заповедника как федерального центра научно-просветительской деятельности и нравственно-патриотического воспитания населения.

Противоречия между *сохранением* историко-культурного ландшафта поля сражения и *развитием* музея-заповедника, между

мемориализацией и музеефикацией может быть устранено путем создания на основе расположенных на Бородинском поле объектов культурного наследия нескольких музейных центров.

Главный из них — *мемориально-исторический* может развиваться путем музеефикации объектов мемориально-экспозиционных комплексов «Центральный» и «Семеновский», включая территорию вокруг главной экспозиции музея-заповедника и батареи Раевского.

Между визит-центром и зданием главной экспозиции предлагается устроить мемориальный сквер «Вся Россия помнит...». В нем на 20 мемориальных досках из красного гранита, своей формой напоминающих мемориальный комплекс городам-героям в Александровском саду у стен Московского Кремля, будут перечислены названия всех воинских формирований русской армии, которые участвовали в Бородинском сражении. Направляясь в экспозицию, посетители смогут прочесть названия 90 пехотных и кавалерийских полков, 21 казачьего и 19 ополченческих формирований, Гвардейского морского экипажа, номера 19 егерских, 2 пионерных полков и 53 артиллерийских рот, в которых отражена география всей России, сражавшейся с наполеоновским нашествием в 1812 г.

Мемориально-ландшафтную экспозицию «Батарея Раевского» предлагается создать на территории площадью 64 га, прилегающей к Красному холму. Этот проект позволяет решить задачу комплексной музеефикации территории с памятниками 1812 и 1941 гг., дает возможность посетителю увидеть и самому оценить военно-оборонительное значение полей, холмов, оврагов, окружающих батарею Раевского, получить образное представление о происходивших здесь маневрах и действиях обеих армий: атаках, схватках, победах и поражениях. Маршрут осмотра экспозиции (1,9 км) проложен таким

образом, чтобы посетитель, как с экскурсоводом, так и без него, мог идти по нему с неослабевающим интересом, получая разнообразные впечатления. Работы по созданию этой экспозиции, включая топосъемку и археологические исследования с использованием геофизических методов для выявления сохранившихся под поверхностью фрагментов укреплений и братских могил, уже начались. Подобную экспозицию предлагается создать на Семеновских высотах – месте главного удара наполеоновских войск.

Путем восстановления уничтоженного в 1942 г. фашистами императорского дворцово-паркового ансамбля в с. Бородино предлагается создать *культурно-исторический центр* музея-заповедника.

В здании дворца будет размещена экспозиция «Российский Марафон! Село Бородино!», посвященная истории Бородинского поля с древнейших времен, и выставочный зал с универсальным музейным оборудованием для выставок из других музейных собраний, а в одном из кавалерских корпусов — постоянная выставка «Бородино в отечественной культуре».

Проходя по аллеям восстановленного парка «английского стиля», можно будет вновь увидеть бюст императора Александра II, памятный знак на месте усадьбы Давыдовых, где провел детские годы знаменитый поэт–партизан, выйти к смотровой площадке на берегу р. Воинка, с которой открывается превосходный вид на места расположения перед сражением корпуса Евгения Богарне. Внизу и ныне видны остатки мельничной плотины, восстановив которую можно построить на ней действующую водяную мельницу – такой проект уже разработан. Здание бывшей столовой – сейчас это руины, расположено так, что идеально подходит для устройства в нем чайной.

Воссоздание столовой залы, двух кавалерских корпусов и

служебных построек позволит перенести сюда из келий Спасо-Бородинского монастыря фондохранилище, администрацию и научные отделы музея-заповедника.

Поскольку основание и история Спасо-Бородинского монастыря неразрывно связаны с памятью о войнах русской армии, сражавшихся на Бородинском поле, он должен и после его полной передачи Русской Православной Церкви остаться объектом музейного показа. Он станет *мемориально-духовным центром* Бородинского поля, открытым для посещения паломниками и туристами. В нем предлагается оставить экспозиции «Дом-музей игумении Марии» и «Бородинское сражение в романе “Война и мир”». Общиной Спасо-Бородинского монастыря издано жизнеописание игумении Марии, письма к ней святителя Филарета Московского с комментариями, альбом и буклеты об истории монастыря, проводятся экскурсии по его территории, организована воскресная школа.

Уникальный *центр военно-исторической реконструкции* предлагается создать на базе туристического комплекса «Бородино». Это бывший пионерский лагерь, в полуразрушенном состоянии переданный музею. Сейчас в нем в комфортабельных номерах могут останавливаться до 40 человек. После реконструкции станет тем, что часто называют «ожившей историей», что ежегодно привлекает в первое воскресенье сентября на Бородинское поле десятки тысяч человек.

У въезда в центр появится караульное помещение со шлагбаумом и будкой для часовых в форме 1812 года – отсюда начнется для посетителей погружение в славную для России историческую эпоху.

Постоянная выставка «Солдатушки, бравы ребятушки» будет создана на основе коллекции военной художественной игрушки, часть которой выставлена ныне в Спасо-Бородинском монастыре. Специально изготовленными фигурками солдатиков — копиями игрушек,

представленных на выставке, можно будет разыгрывать целые эпизоды Бородинского сражения в игровом зале. Здесь же будет оборудование для компьютерных игр по военно-исторической тематике.

Вместе со Всероссийской ассоциацией международных культурных и гуманитарных связей будет создан зал детского творчества. В нем каждый сможет сам попытаться изготовить солдатиков, сделать рисунки на тему 1812 года. Многие придут сюда для того, чтобы увидеть выставку победителей конкурса детского рисунка Всероссийского фестиваля «Бородино – священное поле России».

В зале военно-исторической реконструкции будут мундиры пехотинцев и артиллеристов, кирасирские колеты, гусарские доломаны и ментики, кивера, каски, патронные сумки, ружья, сабли тесаки... Это все можно потрогать, примерить, узнать, как что называется, научиться пользоваться и даже «завербоваться» в русскую или французскую армию для участия в «Дне Бородина». Помогут все это сделать «ветераны бородинских баталий».

Во взятом на время мундире посетители смогут не только сфотографироваться, но и пообедать в зале для господ офицеров или для нижних чинов из котла солдатской артели или из полевой кухни. Переоборудованная столовая сможет обслуживать до 200 человек.

В здании офицерского собрания (бывший клуб) можно будет проводить научные конференции, семинары, просмотр фильмов на военно-историческую тематику в системе домашнего или большого кинотеатра. Здесь же иногда будет звучать музыка XIX века, будут даваться балы, камерные исторические спектакли.

Часть территории центра может быть связана с реконструкцией армейской жизни в годы Великой Отечественной войны. Здесь может быть размещен корпус военно-исторической реконструкции с

обмундированием, снаряжением и стрелковым оружием бойцов Красной Армии и солдат Вермахта, площадка боевой техники, блиндаж, окопы.

Будет здесь свое «марсово поле» для построений, парадов, смотров участников военно-исторических реконструкций, поляны для военных упражнений и пикников, конюшня, тир.

Центр военно-исторической реконструкции расположен рядом с плац-театром, на котором разыгрываются «баталии» в День Бородина. Здесь же будут проводиться и другие праздники с участием военно-исторических клубов - «Стойкий оловянный солдатик» и «Москва за нами. 1941 год», а на прилегающих полянах – сражения по заявкам, показательные учения с участием гостей.

Предлагаемый нами путь музеефикации Бородинского поля является органичным продолжением его исторического развития. Он учитывает необходимость сочетания функционального (по направлениям деятельности) и территориального (по участкам территории) принципов. Изменится ли в результате всех этих работ Бородинское поле? Да, изменится, но органично, естественно, сохраняя свою подлинность и целостность как места «битвы гигантов». Изменится в той степени, в какой это допустимо строгими критериями, предъявляемыми ЮНЕСКО к культурно-историческим памятникам, включаемым в Список объектов всемирного культурного наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ См. *Горбунов А.В.* Сохранение и развитие полей сражений наполеоновских войн как объектов культурного наследия // Бородино и наполеоновские войны: битвы, поля сражений, мемориалы. М., 2003. С. 113–126.

ⁱⁱ *James J.T.* Views in Russia, Sweden, Poland and Germany. L., 1826. P. 15.

-
- ⁱⁱⁱ *Святославский А.В.* Памятник в России // Культура памяти. М., С. 61.
- ^{iv} Спасо-Бородинский монастырь и его основательница. Можайск, 1993. С. 45
- ^v См.: *Горбунов А.В.* Ландшафт полей сражений: генезис, структура, развитие. // Культурный ландшафт как объект наследия. М., СПб.: Ин-т. Наследия; Дмитрий Буланин, 2004. С. 230–245.
- ^{vi} РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 570.
- ^{vii} См.: Спутник экскурсанта №1: Бородино. М., 1911.
- ^{viii} *Болдина Е.Г.* Орлы, колонны, обелиски... // Памятники Отечества: «Славься век, Бородино!». 2000. № 47. С. 132.
- ^{ix} См. *Смирнов А.А.* О чем говорят обелиски: К перспективам мемориализации Бородинского поля // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1995. С. 103–110.
- ^x *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. М., 1987. Т. 2. С. 25–26.
- ^{xi} Бородино: За веру, царя и отечество. М., 2002. С. 78–79.
- ^{xii} ГА РФ. Ф., 2306. Оп. 69. Д. 2366. Л. 102.
- ^{xiii} Бородино: За веру, царя и отечество. С. 79 – 80.
- ^{xiv} Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп. 116. Д. 226. Л. 51–52. Сведения предоставлены И. А. Шеиным.
- ^{xv} Научно-ведомственный архив ГБВИМЗ, Д. 202 в. Черновик паспорта музея за 1950 г.
- ^{xvi} Музейное дело России. М., 2003. С. 167.
- ^{xvii} Там же. С. 363.
- ^{xviii} Научно-ведомственный архив ГБВИМЗ. Д.154в. Л. 71.
- ^{xix} См.: 1812 год: К столетию Отечественной войны: Сб. ст. М., 1962. С. 278–299.
- ^{xx} См. *Горбунов А.В.* Предположения по развитию экспозиций ГБВИМЗ и музейфикации Спасо-Бородинского монастыря // Научно-ведомственный ГБВИМЗ. Д. 154в. Л. 31–36.
- ^{xxi} См.: *Агапов Н.Н., Горбунов А.В., Подчуфаров С.К.* Федеральная программа сохранения и развития Бородинского поля Отечественной войны 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1995. С. 3–23.